

Political Elites and Identity Politics of Urban Agglomerations

---

Nikolai V. Grishin

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: nvgrishin[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0850-7581

Abstract

The paper is aimed at clarifying scientific ideas about the role of political and administrative elites in the policy of shaping the identity of urban agglomerations. Studying identity politics in urban agglomerations is in its early stages in the current science. The article reveals the influence of urban agglomeration governance models on the emergence of institutional prerequisites for the formation of agglomeration identity. The problems of political representation in the conditions of the development of agglomerations are characterized. It has been established that the two-level model of agglomeration governance creates the prerequisites for contradictions between the interests of the core and the periphery of agglomerations. Fundamental differences between the core and the periphery in terms of resource ownership make it difficult to ensure a balanced representation of political interests in the agglomeration governance system. Particular attention is paid to the cases of the Barcelona and Rotterdam (Rheinmond) agglomerations. The absence in Russia of a two-level model for managing agglomerations prevents the formation of administrative and political elites localized at the level of agglomerations. The absence of separate governing bodies for agglomerations can be characterized as a limiting factor both for the development of agglomerations and for the formation of the identity of agglomerations.

Keywords

Identity politics; agglomeration identity; political elites; administrative elites; urban agglomerations; metropolitan area; metropolitan identity; metropolitan area governance models.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Политические элиты и политика идентичности городских агломераций

Гришин Николай Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nvgrishin[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0850-7581

Аннотация

Статья направлена на уточнение научных представлений о роли политических и административных элит в политике формирования идентичности городских агломераций. Изучение политики идентичности городских агломераций находится на этапе становления в современной науке. В статье выявлено влияние моделей управления городскими агломерациями на появление институциональных предпосылок для формирования идентичности агломераций. Охарактеризованы проблемы политического представительства в условиях развития агломераций. Установлено, что двухуровневая модель управления агломерациями создает предпосылки для противоборства интересов ядра и периферии агломерации. Принципиальные различия между ядром и периферией в обладании ресурсами объективно затрудняют задачу обеспечения сбалансированного представительства политических интересов в системе управления агломерациями. Особое внимание уделено рассмотрению кейсов агломераций Барселоны и Роттердама (Рейнмонда). Отсутствие в России двухуровневой модели управления агломерациями блокирует формирование административно-политических элит, локализованных на уровне агломераций. Отсутствие отдельных органов управления агломерациями может быть охарактеризовано как сдерживающий фактор, как для развития агломераций, так и для формирования идентичности агломераций.

Ключевые слова

Политика идентичности; идентичность агломераций; политические элиты; административные элиты; городские агломерации; метрополия; метрополитенская идентичность; модели управления агломерациями.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В современной науке роль политических элит в процессе формирования идентичности привлекает значительное внимание исследователей (Helbling, Reeskens & Wright, 2016 p. 751; Гришин, 2019, с. 69). Большое количество публикаций в разных странах мира посвящено уточнению вклада политической элиты в формирование национальной идентичности, этнической идентичности, региональной и местной идентичности (Erdem, 2017; Попова, 2020; Гришин, 2020; Khiangte, 2022). Особая роль политических элит в формировании локальных и региональных идентичностей признана в современной науке (Гельман, 2003; Lane, 2011). В рамках этих исследований существуют исключительно высокие оценки фактора политической элиты. Например, шведский исследователь Бо Петерссон рассматривает политику местной идентичности как производную от политической культуры и политических представлений местных элит (Pettersson, 2001, p. 39). В меньшей степени понятен вклад политических элит в формирование идентичности другого уровня территориальной генерализации – идентичности городских агломераций.

Идентичность городских агломераций является весьма слабоизученной темой, тем не менее, на современном этапе научный интерес к ней растет (De Angelis, 2021, p. 407). Значительным событием можно признать опубликование в 2018 году результатов эмпирического исследования испанских ученых, подтвердивших наличие и выявивших некоторые особенности идентичности агломерации Барселоны (Vallbé, Magre, Tomàs, 2018). Швейцарский ученый М. Штребел в 2022 году исследовал проблемы формирования идентичности восьми городских агломераций в Западной Европе (Strebel, 2022). В 2023-2024 годах на базе Санкт-Петербургского государственного университета под руководством проф. О.В. Поповой реализуется один из первых в мировой науке исследовательских проектов по изучению идентичности агломераций «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта» (Попова & Гришин, 2023).

В данной статье впервые поставлена задача, связанная с изучением роли политических элит в процессе формирования идентичности городских агломераций. Исследовательская проблема связана с рядом теоретических и методологических сложностей. Требуется уточнить возможности подходов, применяемых в изучении идентичности других уровней генерализации, для решения исследовательских задач относительно формирования идентичности агломераций.

Городские агломерации как новая политическая среда

Городские агломерации являются более изменчивым и разнообразным объектом по сравнению с такими типами территориальных единиц, как

регионы или муниципалитеты. В большинстве случаев агломерацию можно вписать в иерархию территориальных единиц на уровень между муниципалитетом и регионом, но исключений немало. Существуют межрегиональные агломерации, которые выходят за рамки одного региона. Хрестоматийным примером межрегиональной агломерации считается агломерация Нью-Йорка, охватывающая 4 штата: Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут, Пенсильвания. Межрегиональные агломерации существуют также в России: агломерация Санкт-Петербурга охватывает территорию 2 субъектов федерации, агломерация Москвы выходит за рамки 2 субъектов федерации. Существуют еще более сложные для управления и элитообразования примеры межнациональных агломераций: например, по некоторым оценкам современная городская агломерация Рура выходит за границы Германии и охватывает также территорию Нидерландов.

Межрегиональные и межнациональные агломерации не просто дополняют иерархию политического процесса новым территориальным уровнем, но и нарушают эту иерархию изменением в отношениях между региональными и муниципальными уровнями политики.

Одно из измерений многообразия агломераций – различия между моноцентрическими и полицентрическими агломерациями. Моноцентрические агломерации, которые образуются вокруг главного города («ядра» или «метрополии»), являются преобладающим типом. Для этой модели характерна простая радиальная организация пространства, разделение «ядра» и «периферии», которая сама, в свою очередь, делится на несколько поясов в зависимости от удаленности от центра. В России практически все городские агломерации не только являются моноцентрическими, но и отличаются особой степенью концентрации населения и других ресурсов в метрополии. Например, в Уфимской агломерации до 73% населения сосредоточено в городе Уфе (Ермак, 2014). В полицентрических агломерациях сложная организация пространства сопровождается специфическими взаимоотношениями элитных групп. Классическим примером полицентрической городской агломерации можно считать Рур; в России чистые примеры полицентрических агломераций, вероятно, отсутствуют.

Другая принципиальная особенность агломераций – условность и аморфность их территориальных границ. Данное свойство у агломераций выражено сильнее, чем у городов, регионов или муниципалитетов, что усложняет решение задачи по административному закреплению их границ. Границы агломераций не только очень подвижны, но и трудноопределимы в любой конкретный момент времени. В зависимости от критериев, которые можно применять для определения агломерации, их границы будут различаться. Площади таких агломераций, как Нью-Йорк или Барселона, определяются разными экспертами с отличиями более чем в 2 раза. В агломерацию Барселоны формально входит 36 муниципалитетов, но по оценкам многих экспертов это число значительно больше – 217.

Свидетельством исключительной сложности феномена агломераций является ситуация с использованием термина для его обозначения. В зарубежной науке единого термина, аналогичного принятому в России понятию «агломерации», не существует. Принято употребление нескольких терминов, каждый из которых соответствует определенному типу агломераций. На статус единого термина могли бы претендовать “urban area” или “urban agglomeration”, но они не пользуются популярностью. В отношении моноцентрических агломераций используются термины “metropolitan area”, “metropolitan regions”, иногда даже “metro”. В отношении полицентрических агломераций используются термины “polycentric urban region”, “polynucleated metropolitan region”.

В США используются разные термины в зависимости от масштаба и уровня городских агломераций. Так, для городской агломерации среднего масштаба употребляют термин “metropolitan statistical area” (на русский язык переводится как «метрополитенский статистический ареал»), для более крупных объединений, которые включают в себя несколько агломераций, употребляют термин “combined statistical area” (в русскоязычной литературе по американским агломерациям переводится как «комбинированная статистическая область»). Последний термин практически всегда соответствует межрегиональным агломерациям, масштаб политического процесса в которых соответствует региональному уровню или превосходит его.

Принятый в России единый термин «агломерации» был введен в отечественную науку в 1959 г. П.И. Дубровиным, и он утвердился в 1970-х годах (Колясников, 2015, с.12). На уровне федеральных законов понятие агломерации не употребляется. Первый зампреда комитета Государственной Думы России по строительству и ЖКХ Владимир Кошелев 15 июня 2023 г. предложил ввести понятие «городская агломерация» в федеральные законы, при этом следует отметить, что работа по закреплению правового статуса за этой категорией ведется с середины 2010-х годов. В Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р от 13 февраля 2019 г, распоряжением Правительства РФ № 1704-р от 25 июня 2022 г. были внесены изменения, в соответствии с которыми города с населением 250 тысяч человек получили статус агломераций.

Здесь было закреплено определение понятия «городской агломерации» как «совокупности компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения более 250 тыс. человек, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями». Были введены понятия «крупной городской агломерации» (с населением 500 тыс. человек - 1000 тыс. человек) и «крупнейшей городской агломерации» (с общей численностью населения более 1000 тыс. человек). В этом же документе говорится, что в России существуют 40 крупных и крупнейших городских агломераций, а также городских агломераций; общая

численность населения в них превысила 73 млн. человек. Исследователи Е.А. Галиновская и Н.В. Кичигин в 2020 г. отмечали, что в России во всех типах агломераций проживает 90% населения (Галиновская & Кичигин, 2020, с. 150).

Политические элиты и управление городскими агломерациями

На уровне городских агломераций существуют неблагоприятные институциональные условия для формирования и закрепления положения политических элит. На муниципальном и региональном уровнях ситуация иная: наличие большой системы органов управления и долгая история местного (регионального) сообщества способствуют развитию и устойчивости элитных групп, которые ассоциируют себя с данным сообществом и соответствующим уровнем управления. В условиях городских агломераций наиболее серьезными вызовами можно признать, во-первых, отсутствие на данном уровне органов власти (либо их недостаточную развитость и устойчивость в тех странах, где они существуют), во-вторых, связанную с непродолжительной историей городских агломераций недостаточную сформированность сообществ. Можно предположить, что политические элиты, действующие на уровне городских агломераций, обычно являются агентами иных уровней, прежде всего, - регионального и муниципального.

В мировой практике сложились четыре модели управления городскими агломерациями («метрополитенского управления»):

1) Объединение муниципалитетов в единое муниципальное образование (Лос-Анджелес, Торонто и т.д.);

2) Двухуровневая модель, при которой на уровне агломерации создается новый надмуниципальный орган управления, получающий часть полномочий и бюджета (Париж, Монреаль, Лондон, Стокгольм и т.д.);

3) Договорная модель (модель межмуниципальной кооперации), при которой муниципалитеты создают координационные советы и взаимодействуют при реализации отдельных проектов;

4) Управление агломерацией со стороны регионального уровня власти.

Первые две модели в России невозможны из-за законодательных ограничений (Павлов, Королева & Евдокимов, 2019, с. 840). Только при первых двух моделях у городских агломераций могут быть собственные органы власти. За рубежом большинство крупных городских агломераций имеют органы управления (Andersson, 2010). В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по состоянию на 2014 год в 178 из 263 городских агломераций (68%) существовали органы управления. Существуют страны (Франция, Ирландия, Нидерланды и т.д.), в которых практически все официально признанные городские агломерации имеют органы управления. Первые органы управления городских агломераций возникли в 1960-е годы, но особенно динамичный рост их числа начался с 1990-х годов. ОЭСР определяет

следующие критерии, по которым идентифицируется орган управления агломерацией: географический охват территории, статус и главная цель управляющей организации, набор выполняемых ею функций (Ahrend, Gamper & Schumann, 2014, p. 21). Административными предпосылками создания специальных органов управления агломерацией являются, прежде всего, вопросы организации единой транспортной системы и системы утилизации отходов.

При двухуровневой модели управления статус органов управления агломерациями остается неустойчивым: в большинстве случаев они занимают положение между более сильными региональным и местным уровнями власти. При этом надмуниципальный орган почти всегда не избирается прямым голосованием, но состоит из представителей муниципалитетов (Павлов, Королева & Лабзин, 2018); таким образом, в этом органе управления участвуют акторы, ассоциирующие себя, прежде всего, с муниципалитетами, интересы которых они представляют. Дополнительные сложности возникают в случаях межрегиональных и межнациональных агломераций: в данных случаях процесс формирования идентичности агломераций уже не является просто новым уровнем относительно региональной и местной идентичности, но вступает в более сложный конфликт с региональной и национальной идентичностью.

Только при первой модели органы управления агломерациями состоят не из представителей муниципалитетов, но прямо формируются на уровне агломераций. Следовательно, только при данной модели можно говорить о наличии условий для формирования административной элиты, которая ассоциирует себя именно с агломерациями, а не с вышестоящим или нижестоящим уровнями управления.

В России административная и правовая институционализация городских агломераций находится не на высоком уровне. На уровне подзаконных актов в России особое значение для политики развития городских агломераций имеет Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная 13 февраля 2019 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р.

Для России характерен административный путь развития агломераций: несмотря на объективный процесс рост мегаполисов, правительственные органы с начала 2000-х годов стремятся не только его организовать и упорядочить, но и интенсифицировать. Отсутствие при этом специальных органов управления на уровне агломераций является весьма спорным и неочевидным решением. Особую роль в регулировании развития городских агломераций играют федеральные и региональные органы. Органы власти субъектов федерации выполняют основные функции по развитию находящихся на их территории городских агломераций. Нацеленность на развитие агломераций присутствует и в риторике представителей региональных элит. Так, 17 декабря 2021 года вице-губернатор Саратовской области Р. Бусаргин заявил при обсуждении в областном правительстве Стратегии социально-экономического

развития Саратовской агломерации: «Саратовская агломерация складывается исторически как особое географическое, экономическое и социальное образование, объединенное общей целью и единым развитием территории... Значение Саратовской агломерации для области трудно переоценить... Отрадно, что до 2030 года в рамках данной концепции подразумевается, что Саратовская агломерация до 2030 года войдет в топ-10 быстрорастущих и крупных агломераций». Однако, и на региональном уровне управления в России процесс создания специальных инстанций, отвечающих за развитие агломераций, не зашел достаточно далеко.

При отсутствии надмуниципальных органов управления агломерациями в России есть некоторый весьма ограниченный опыт создания специальных структур управления развития агломерациями на уровне субъектов федерации. Так, в Нижегородской области существует региональное Министерство градостроительной деятельности и развития агломераций Нижегородской области. В других субъектах федерации в название органов власти министерского уровня понятие агломераций не вынесено, тем не менее, можно найти аналоги отраслевых региональных органов, отвечающих за политику развития агломераций. Другая институциональная форма – создание на региональном уровне государственных учреждений, отвечающих за содействие развитию агломераций. В той же Нижегородской области в 2019 году по инициативе Правительства региона было создано областное государственное бюджетное учреждение «Институт развития агломерации Нижегородской области», в Саратовской области в 2020 году создано государственное казенное учреждение «Центр развития Саратовской агломерации и промышленных парков» во главе с директором Д.Ф. Аяцковым. Таким образом, существующие в России немногочисленные специальные управленческие структуры, отвечающие за развитие агломераций, формируются из представителей групп, относящихся к региональному уровню.

Социально-политические процессы в агломерациях и проблемы политического представительства

Процессы развития агломераций актуализируют проблемы политического представительства. Даже при отсутствии специальных органов управления агломерациями, возникают проблемы, которые требуют согласования интересов различных групп, проживающих на данной территории.

За рубежом для большинства моноцентрических агломераций характерна следующая тенденция: если административные границы главного города («ядра»), не меняются, агломерация растет, прежде всего, за счет стремительного увеличения населения и урбанизации близлежащей периферии. Таким образом, в структуре населения агломерации увеличивается доля периферии, доля ядра – сокращается. Например, в Барселоне в 1970-е годы население периферии составляло менее половины от населения агломерации в целом, в

настоящее время оно превосходит население ядра. Этот процесс усугубляется оттоком населения от ядра к периферии: разные группы населения ядра предпочитают переселяться в районы периферии из-за стоимости жилья, экологической обстановки и т.д. Таким образом, население периферии агломерации приобретает особый вес, зачастую превосходящий значимость и вес самого ядра, и возникают предпосылки для обеспечения его политического представительства. При отсутствии у агломераций специальных органов управления возникает противоречие: периферия в высокой степени зависит от решений, принимаемых муниципалитетом ядра, но не имеет формальных механизмов влияния на принятие данных решений. У населения периферии возникает потребность участия в руководстве общими делами. Поскольку административные границы ядра остаются малоподвижными, создание органов управления агломерациями является выходом для обеспечения представительства политических интересов периферии.

Можно предположить, двухуровневая модель управления агломерациями создает предпосылки для противоборства интересов ядра и периферии. В зависимости от институционального дизайна, надмуниципальный орган управления агломерацией благоприятствует либо ядру, либо периферии. Например, агломерация Барселоны пережила оба варианта. В Барселоне органы управления на уровне агломерации были созданы в 1974 году; до 2011 года основным руководящим органом агломерации было Объединение муниципалитетов агломерации (*Mancomunitat de Municipis de l'Àrea Metropolitana de Barcelona*). Данная структура предусматривала значительное политическое влияние муниципалитетов периферии; для нее были характерны конфликты между мэром муниципалитета Барселоны (в частности, Паскуалем Маргаллом) и мэрами малых муниципалитетов, которые обвиняли мэра города в чрезмерном доминировании. В результате реформы 2011 года был создан новый орган управления агломерацией - Администрация агломерации Барселоны (*Àrea Metropolitana de Barcelona - AMB*). Как и прежний орган, он не избирается прямым голосованием, но формируется из руководства входящих в агломерацию 36 муниципалитетов. Новая модель, как можно предположить, укрепила власть мэра Барселоны. Мэр муниципалитета Барселоны является президентом Администрации агломерации Барселоны (AMB). Поскольку бюджет муниципалитета Барселоны в 2012 году в четыре раза превышал бюджет AMB, новый порядок принятия решений снизил уровень конфликтности в руководящем органе за счет снижения политического веса муниципалитетов периферии. Сбалансировать представительство политических интересов ядра и периферии в системе управления агломерациями затруднительно из-за принципиальных различий между ядром и периферией в обладании ресурсами.

Проекты формирования идентичности городских агломераций

Количество кейсов, по которым можно было бы отследить попытки влияния политической элиты на формирование идентичности агломераций, невелико. Рассмотрим здесь примеры агломераций Роттердама и Барселоны.

Нидерландский исследователь П. Ниентид рассмотрел роль органов власти в формировании идентичности агломерации Роттердама (агломерации Рейнмонда), в которой проживает свыше 1,1 млн. чел. Власти Роттердама в 2014 году инициировали три программы формирования идентичности, которые в целом были нацелены на создание скорректированной истории о том, что такое Роттердам и каким должно быть его будущее. Комплекс программ формирования идентичности имел общее название «ДНК Роттердама» (Nientied, 2018). Произошла смена городского лозунга «Мировой порт» на новый лозунг «Сделайте так, чтобы это произошло» (Make It Happen). ДНК города получила три заголовка: 1) Международный; 2) Предприимчивый и 3) Острый (сырой) (Edgy, raw). Отдельные программы: «75 лет реконструкции города» и «История города». Данные программы не были исключительно делом формирования городской элиты, но основывались также на механизмах прямого демократического гражданского участия. Так, в 2017 году программа «История города» с ведущей темой «Роттердам в 2037 году» обсуждалась на высшем гражданском собрании города (G1000), когда более 1000 человек собрались в субботу, чтобы обсудить такие темы, как образование, совместное проживание по соседству и радикализация, а также гармония в городе.

Одна из особенностей формирования идентичности агломераций – различия в идентичности жителей различных зон агломерации, прежде всего – жителей ядра и периферии. Данные различия, выявленные в современной науке, могут быть также связаны с позицией местной элиты относительно органов управления агломерацией. Любопытные тенденции были выявлены в исследовании 2015 года испанских ученых Ж. Вальбе, Ж. Магре и М. Томас, посвященном идентичности жителей агломерации Барселоны. Централизованная модель органа управления агломерацией Барселоны характерным образом соотносится с различиями в отношении к идентичности агломерации со стороны жителей ядра (столичного муниципалитета) и периферии. В рамках опроса, проведенного Ж. Вальбе, Ж. Магре и М. Томас, респондентам было предложено отметить свое отношение к 4 уровням идентичности – Испании, Каталонии, агломерации Барселоны, своего муниципалитета. По результатам опроса, данные виды идентичности получили соответственно 48%, 78%, 70%, 76%. Таким образом, уровень идентичности агломерации был ниже уровня идентичности Каталонии и муниципалитета, но существенно выше уровня испанской идентичности (Vallbé, Magre, Tomàs, 2018, p. 22). При этом, как отмечают авторы, более высокий уровень идентичности агломерации характерен для жителей ядра – муниципалитета Барселоны, в то время, как жители пери-

ферии более ревностно придерживаются местной идентичности. Учитывая моноцентрический характер агломерации, а также ее наименование, идентичное с наименованием ядра, распространение идентичности агломерации предполагает подчинение идентичности жителей других муниципалитетов. Вероятно, данный процесс встречает сопротивление на периферии. В то же время для жителей ядра идентичность агломерации не содержит такого конфликта и предполагает, напротив, экспансию своей городской идентичности на близлежащие территории.

Политическая элита, участвующая в руководстве агломераций, едва ли может быть названа «суггестерами» (источников внушения) идентичности. На нее нельзя распространить характеристику, которую дал российский исследователь С.В. Кулаков региональным элитам в процессе формирования региональной идентичности: «деятельность суггесторов идентичности направлена на создание общезначимых идеологием и приемов в политической повестке дня региона» (Кулаков, 2015, с. 79).

Выводы

Формирование идентичности городских агломераций – это относительно молодое и не вполне сложившееся локальное направление исследований в рамках изучения политики идентичности. Особенности и факторы формирования идентичности агломераций («метрополитенской идентичности») не вполне ясны. Однако, можно вполне уверенно утверждать, что политические элиты являются важным участником формирования идентичности этого уровня.

Отсутствие в России двухуровневой модели управления агломерациями блокирует формирование административно-политических элит, локализованных на уровне агломераций. Административно-политические элиты России при построении своих карьерных траекторий не ориентируются на этот уровень управления, но на иные уровни – муниципальный и региональный. Отсутствие в России отдельных органов управления агломерациями может быть охарактеризовано как сдерживающий фактор, как для развития агломераций, так и для формирования идентичности агломераций.

Сформулировать какие-либо общие выводы относительно влияния политической элиты на формирование идентичности агломераций является весьма проблематичным. Это влияние зависит от ряда факторов, которые варьируются в разных типах агломераций. Вероятно, наиболее существенными факторами являются различия между моноцентрическими и полицентрическими агломерациями, между внутрирегиональными и межрегиональными агломерациями. Политические элиты ядра моноцентрических агломераций в наибольшей степени заинтересованы в развитии идентичности агломерации, поскольку этот процесс легитимирует их влияние на муниципалитеты периферии.

Благодарности

Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта N 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

Список литературы

- Ahrend, R., Gamper, C. & Schumann, A. (2014). The OECD Metropolitan Governance Survey: A Quantitative Description of Governance Structures in large Urban Agglomerations. *OECD Regional Development Working Papers*. doi: doi.org/10.1787/20737009
- Andersson, M. (2010). Metropolitan Governance Models. Common Institutional Approaches of Potential Relevance for Dar es Salaam. *Discussion Paper*. http://www.citiesalliance.org/sites/citiesalliance.org/files/CAFiles/Projects/Discussion_Paper_Metropolitan_Governance_Model.pdf.
- De Angelis, G. (2021). Elites and Urban Communities in Early Medieval Italy. Identities, Political Initiatives, and Ways of (Self-) Representation. *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Ed. by C. Brélaz and E. Rose, Brepols, 391-416.
- Erdem, M. (2017). The Role of Elites in the Formation of National Identities: The Case of Montenegro. *USF Tampa Graduate Theses and Dissertations*, 2017. <http://www.digitalcommons.usf.edu/etd/7020>
- Helbling, M., Reeskens, T. & Wright, M. (2016). The mobilisation of identities: A study on the relationship between elite rhetoric and public opinion on national identity in developed democracies. *Nations and Nationalism*, Vol. 22, No. 4, 744-767. doi:10.1111/nana.12235
- Khiangte, L. (2022). Elites in the process of Ethnic Identity Formation and Assertion: A study of Mizo Identity. *Mizoram University*.
- Lane, D. (2011). Identity Formation and Political Elites in the Post-Socialist States. *Europe-Asia Studies*, Vol. 63, No. 6, 925-934.
- Nientied, P. (2018). Hybrid urban identity—the case of Rotterdam. *Current Urban Studies*, 6, 152-173. doi: 10.4236/cus.2018.61008.
- Petersson, B. (2001). *National Self-Images and Regional Identities in Russia*. Aldershot: Ashgate.
- Strebel, M.A. (2022). Who supports metropolitan integration? Citizens' perceptions of city-regional governance in Western Europe. *West European Politics*, Vol. 45, No 5, 1081-1106. doi: 10.1080/01402382.2021.1929688.
- Vallbé, J., Magre, J. & Tomàs, M. (2018). Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of Urban Affairs*, Vol. 40, No 1, 13-30. doi: 10.1111/juaf.12243
- Галиновская, Е.А. & Кичигин, Н.В. (2020). Городская агломерация как правовая категория: постановка проблемы. *Журнал российского права*, 8, 141-156. doi: 10.12737/jrl.2020.100
- Гельман, В.Я. (2003). Политические элиты и стратегии региональной идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2, 91-105.

- Гришин, Н.В. (2019). Государство как субъект политики формирования идентичности. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 66-72. doi: 10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072
- Гришин, Н.В. (2020). Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 55, 231-239. doi: 10.17223/1998863X/55/23
- Ермак, С. (2014). Уфимская агломерация: формирование смысла (2014). <https://expert-ural.com/articles/ufimskaya-aglomeraciya-formirovanie-smisla.html>
- Колясников, В.А. (2015). Развитие понятия «городская агломерация». *Академический вестник УралНИИПроект РААСН*, 2, 10-15.
- Кулаков, С.В. (2015). Политическая элита Тамбовской области как суггестор региональной идентичности. *Современные политические процессы*, 1 (14), 76-81.
- Павлов, Ю.В., Королева, Е.Н. & Евдокимов Н.Н. (2019). Теоретические основы формирования системы управления городской агломерацией. *Экономика региона*, 3, 834-850. doi: 10.17059/2019-3-16
- Павлов, Ю.В., Королева, Е.Н. & Лабзин, А.В. (2018). Органы управления городской агломерацией: проектирование состава и способов формирования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*, 4, 576-610. doi: 10.21638/11701/spbu08.2018.405
- Попова, О.В. & Гришин, Н.В. (2023). Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов. *Политическая наука*, 2, 140-162. doi:10.31249/poln/2023.02.06
- Попова, О.В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*, 4, 86-110. doi: 10.31249/poln/2020.04.05

Reference

- Ahrend, R., Gamper, C. & Schumann, A. (2014). The OECD Metropolitan Governance Survey: A Quantitative Description of Governance Structures in large Urban Agglomerations. *OECD Regional Development Working Papers*. doi: 10.1787/5jz43zldh08pen.
- Andersson, M. (2010). Metropolitan Governance Models. Common Institutional Approaches of Potential Relevance for Dar es Salaam. *Discussion Paper*. http://www.citiesalliance.org/sites/citiesalliance.org/files/CAFiles/Projects/Discussion_Paper_Metropolitan_Governance_Model.pdf.
- De Angelis, G. (2021). Elites and Urban Communities in Early Medieval Italy. Identities, Political Initiatives, and Ways of (Self-) Representation. *Civic Identity and Civic Participation in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Ed. by C. Brélaz and E. Rose, Brepols, 391-416.
- Erdem, M. (2017). The Role of Elites in the Formation of National Identities: The Case of Montenegro. *USF Tampa Graduate Theses and Dissertations*, 2017. <http://www.digitalcommons.usf.edu/etd/7020>
- Galinovskaya, E.A. & Kichigin, N.V. (2020). Urban agglomeration as a legal category: problem statement. *Journal of Russian Law*, 8, 141-156. doi: 10.12737/jrl.2020.100 (in Russian).
- Gelman, V.Y. (2003). Political Elites and Strategies of Regional Identity. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2, 91-105. (in Russian).
- Grishin, N.V. (2019). The state as an actor of identity construction policy. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3, 66-72. doi: 10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072 (in Russian).

- Grishin, N.V. (2020). The State Identity Policy: A New Bet in the Political Struggle? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 55, 231-239. doi: 10.17223/1998863X/55/23 (in Russian).
- Helbling, M., Reeskens, T. & Wright, M. (2016). The mobilisation of identities: A study on the relationship between elite rhetoric and public opinion on national identity in developed democracies. *Nations and Nationalism*, Vol. 22, No. 4, 744-767. doi:10.1111/nana.12235
- Khiangte, L. (2022). Elites in the process of Ethnic Identity Formation and Assertion: A study of Mizo Identity. *Mizoram University*.
- Kolyasnikov, V.A. (2015). Development of the concept of "urban agglomeration". *Academic Bulletin UralNIiproekt RAASN*, 2, 10-15. (in Russian).
- Kulakov, S.V. (2015). The political elite of the Tambov region as a suggestor of regional identity. *Modern political processes*, 1 (14), 76-81. (in Russian).
- Lane, D. (2011). Identity Formation and Political Elites in the Post-Socialist States. *Europe-Asia Studies*, Vol. 63, No. 6, 925-934.
- Nientied, P. (2018). Hybrid urban identity—the case of Rotterdam. *Current Urban Studies*, 6, 152-173. doi: 10.4236/cus.2018.61008.
- Pavlov, Yu.V., Koroleva, E.N. & Evdokimov, N.N. (2019). Theoretical foundations for the formation of the urban agglomeration management system. *Economics of the Region*, 3, 834-850. doi: 10.17059/2019-3-16 (in Russian).
- Pavlov, Yu.V., Koroleva, E.N. & Labzin, A.V. (2018). Governing bodies of an urban agglomeration: designing the composition and methods of formation. *Bulletin of St. Petersburg University. Management*, 4, 576-610. doi: 10.21638/11701/spbu08.2018.405 (in Russian).
- Petersson, B. (2001). National Self-Images and Regional Identities in Russia. Aldershot: *Ashgate*.
- Popova, O.V. (2020). On the unresolved problems of the theory of state policy of identity in Russian political science. *Political Science*, 4, 86-110. doi: 10.31249/poln/2020.04.05 (in Russian).
- Popova, O.V. & Grishin, N.V. (2023). Political identity of Russian youth in self- and experts' assessments. *Political Science*, 2, 140-162. doi:10.31249/full/2023.02.06
- Strebel, M.A. (2022). Who supports metropolitan integration? Citizens' perceptions of city-regional governance in Western Europe. *West European Politics*, Vol. 45, No 5, 1081-1106. doi: 10.1080/01402382.2021.1929688.
- Vallbé, J., Magre, J. & Tomàs, M. (2018). Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of Urban Affairs*, Vol. 40, No 1, 13-30. doi: 10.1111/juaf.12243
- Yermak, S. (2014). Ufa agglomeration: the formation of meaning. URL: <https://expert-ural.com/articles/ufimskaya-aglomeraciya-formirovanie-smisla.html> (in Russian).